На приближающийся Новый год меня назначили Дедом Морозом на новогодний утренник. Только что появившись в экспедиции, не успев осмотреться по сторонам, я был не в состоянии отказать полупросьбе-полуприказу и вынужден был согласиться. На ближайшие четыре года свободной вакансии Деда Мороза в экспедиции не было. О моём желании уже не спрашивали, просто сообщали: во столько-то часов нужно быть на репетиции. Мне даже не нужно было отпрашиваться у начальства — всё было согласовано заранее и без меня, любая работа откладывалась «на потом». Ничего важнее работы Деда Мороза не было — дело государственной важности! Избавиться от неё не представлялось возможным.

Только закалившись в боях летних полевых сезонов, омытый дождями, прокопчённый солнцем, искусанный комарами и слепнями, ощутив себя настоящим армейским «дедом», нашёл в себе силы прийти к директору клуба и сказать:

— Я устал. Я ухожу. Я сделал всё что мог. (По-моему, что-то подобное недавно слышал. Или всё так свежо в

памяти?) Я понял, что мне необходимо это сделать. Новый год вы должны встретить с новым Дедом Морозом.

Сформировавшийся где-то внутри груди, слева, ком подкатывал к моему горлу, слёзы находились в состоянии минутной готовности до момента извержения.

Нет, я не уходил, хлопнув дверью. Рядом со мной стоял вчерашний студент, а сейчас молодой специалист, с такими же выпученными глазами, как у меня, когда я был на несколько лет моложе. Поборов свои эмоции, я продолжил тоном, не терпящим возражений:

— Вот мой преемник. Он будет Дедом Морозом!

— Хорошо. Пусть будет по-твоему,— правильно поняв интонацию, не стала возражать директриса.

Здесь в своём повествовании я забежал далеко, на четыре года вперёд, когда мой блистательный дебют в роли Деда Мороза ещё не состоялся, а мы с краснощёкой русской красавицей Лидой, которой доверили управлять лошадью, только что выехали с территории базы экспедиции, где под навесом содержалась местная лошадь.

Свернув направо, по переулку Пожарному направились в сторону клуба. Лида была в широком красном платье, сшитом в народном стиле, щедро украшенном разными блёстками, длинном, до самых пят, и надетом поверх чего-то тёплого. Она стояла на санях, широко расставив ноги,— это я так предполагаю, поскольку ноги были не видны, скрыты красным платьем, а по-другому на санях не устоишь,— крепко держалась за вожжи и умело отдавала приказы: «Но-о-о-о!!!.. Тпру-у!!!» Лошадь приказам не противилась, она каким-то внутренним чутьём ощущала, что Лида из породы тех русских женщин, которые лошадей останавливают на скаку, в избы горящие входят, не сомневаясь. Ощущения лошади соответствовали действительности. Кроме того, Лида была веселухой, с соответствующей фамилией — Веселова.

Всё вышесказанное и определило выбор её кандидатуры в качестве сопровождения вчерашнему студенту с наивными, выпученными от удивления глазами.

Дед Мороз восседал на ящике в задней части саней с мешком, полным подарков, и приветственно помахивал проходящей публике, которая в основном состояла из детей дошкольного возраста и учеников младших классов в сопровождении мам, иногда пап. Снегурочка, из молодой поросли, налево и направо раздавала ослепительные улыбки. Ребятня, привыкшая к тому, что Дед Мороз всегда является к ним в папином образе, останавливалась, дёргала мам за рукава, визжала от счастья:

— Это не папа!!!

— Он настоящий! Он из леса приехал! — кричал кто-то знающий в ответ девчонке, не признавшей папу.

— Я сама видела! — неслось по сторонам и, опережая процессию, бежало в сторону клуба.

Как эхо, разносились по улицам и переулкам экспедиции обрывки фраз:

—...Из леса...

—...Настоящий...

—...Сама видела...

Лида, до настоящего момента спокойно и уверенно управлявшая лошадью, вдруг заметно занервничала. Лошадь эту перемену сразу почуяла, заметил и я. Впереди наш путь пересекала улица Геофизиков, упиравшаяся одним своим концом в главную улицу города, а вторым терявшаяся в деревянных сараях микрорайона Космос. Совсем недавно окончив курсы автолюбителей, получив права, Лида, под присмотром мужа стала ездить на своей машине по городу. Зная, что нужно уступить дорогу при помехе справа, судорожно вспоминала, с какой это стороны. Однако делала это совершенно напрасно: машины на улице Геофизиков с обеих сторон остановились, пропуская небыстро едущую повозку, водители и пассажиры вышли, смотря в нашу сторону, растеклись в умилительных улыбках. На их лицах читалось, что они, вспоминая своё детство, не прочь поверить в реальность «...из леса... настоящий... сама видела...».

Возле клуба лошадь без понуканий остановилась сама: дальше ехать было некуда — дорога за входом в

клуб оказалась перегороженной плотной толпой детей и взрослых.

Сразу после остановки такая же толпа возникла сзади.

— Здра-а-авствуйте, Дедушка Мороз! Добро пожа-а-аловать! Не побре-е-езгуйте...— послышался женский приторно-слащавый голос.

Толпа немножко расступилась, и я увидел говорящую, в красивом кокошнике и нарядном костюме, в окружении таких же красавиц, но в нарядах поскромнее. Раньше, бывая в клубе, я её не встречал. Но, судя по заученности фраз, произнесённых без запинки, подобострастности, с которой они были произнесены, отвешиваемым поясным поклонам, она была каким-то важным должностным лицом, уполномоченным встречать высоких гостей.

Будучи простым студентом, сшибающим деньги на обед в ожидании завтрашней стипендии, я не привык к столь торжественным приёмам, всеобщему вниманию к своей персоне, почитанию, многочисленным улыбкам, лишь мне адресованным. Только сейчас хлебнув этого добра полной мерой, ощутил лёгкое головокружение, очутившись на седьмом небе от счастья. Я — властелин мира!!!

Зал клуба, так же как и его подступы, был набит родителями и детворой, с тем лишь отличием, что не было видно лиц за масками лисички, волка, медведя, снежинки или скомороха. Костюмов и масок было много не только среди детей — встречались и у взрослых: казалось, что после того, как они их надели в первый раз, то больше уже и не снимали.

— Здравствуй, Дедушка Мороз! Ты подарки нам принёс? — зазвучала классика жанра.

— Принёс, мои дорогие! А кто Дедушке расскажет стихотворение или песенку споёт? — пытаюсь соответствовать той же классике.

— Я!.. Я!!.. Я!!!..— несётся со всех сторон и сливается в общий хор.

— Дедушка, а можно, Валя расскажет стишок? Она у нас ещё маленькая и стесняется,— слышится поблизости вкрадчивый голос просительницы.

— Можно! Ну-ка, Валя, расскажи Дедушке стишок.

Валя, волнуясь, коверкая слова, скороговоркой выпалила заученное.

— Молодец, Валя! Держи от Дедушки подарок! — пригоршня конфет сыпется в её маленькие ручонки.

— Спасибо! Спасибо!! Спасибо! — радостные голоса Вали и мамы перемешиваются в благодарности.

Лида, прикрывая Деда Мороза, организует что-то наподобие очереди из желающих рассказать стихотворение или спеть песенку, Снегурочка ей помогает. Мешок с подарками заметно усох, рука Деда Мороза стала скупее.

— Карамельки?! Я такие не ем! — слышится недовольный голос рассказчика, обманутого в своих ожиданиях.

— Не пойду я рассказывать! У него нет подарков,— доносится через общий шум препирательство какого-то настырного пацанёнка с мамой.

— Ну сходи, даёт ещё...

— Ф-фу! — перевожу дыхание.— Лида, ты как?

— Нормально! — слышу задорный голос никогда не унывающей Лиды.

Отработав свою программу, приходим в себя.

Пришло время затейника организовать торжественные проводы Деда Мороза и Снегурочки, с чем он блестяще справился. Получился многоголосый хор:

— До свидания, Дедушка Мороз! Приходите к нам ещё!

Мало-помалу в моей жизни всё вернулось на круги своя. Эйфория праздника прошла, а вместе с ней и ощущение седьмого неба с лёгким головокружением. Всё больше я походил на того простого студента, сшибающего деньги в ожидании предстоящей стипендии, до которого никому нет дела. Нет, меня узнавали, здоровались, пытались улыбаться,

но выглядело это слишком неестественно, чтобы всерьёз этому поверить.

На следующий новогодний праздник всё повторилось заново: «Здра-а-авствуйте, Дедушка Мороз! Добро пожа-а-аловать! Не побре-е-езгуйте...»

Седьмое небо, головокружение...

«...Ты подарки нам принёс?» — «Я такие не ем!» — «У него подарков нет».— «Приходите к нам ещё!»

...Простой студент, сшибающий деньги...

И на третий год, и на четвёртый... после которого я вдруг ясно понял: это не мне, а ему — балахону из красного бархата с белой оторочкой, который давали всего на один день, на время праздника, после чего и попадал на седьмое небо,— адресовано: «Здра-а-авствуйте! Добро пожа-а-аловать! Приходите к нам ещё!»

От внезапно пришедшего просветления внутри что-то закоротило, оплавилось, и тогда я пришёл к директору клуба:

— Я устал. Я ухожу...

Ну где же это недавно слышал? Или всё так свежо в памяти?